

УДК 94(47+57)''1941/45''
ББК 63.3(2)622
Д95

Дюков, Александр Решидеович.
Д95 За что сражались советские люди / Александр Дюков. —
Москва : Алгоритм, 2016. — 448 с. — (Тайны военной истории).

ISBN 978-5-906861-14-6

В чем главное отличие Великой Отечественной войны от прочих нашествий врагов на нашу Родину? «Разбираясь в справедливости оперативных и тактических решений командования вермахта и РККА, подчитывая соотношение сил, выстраивая схемы управленческих структур, восхищаясь изысканностью многоходовых разведывательных операций — увлекшись всем этим, — с горечью констатирует автор книги, — мы забыли о том, что это была... война на уничтожение нашего народа».

Книга Александра Дюкова, написанная с опорой на многочисленные свидетельства участников и очевидцев ужасающих своей бесчеловечностью злодеяний нацистской Германии, построена как документальное обвинение фашизма. И если для кого-то название книги звучит как вопрос, то ответ на него такой: советские люди сражались за сохранение жизни, причем жизни не только наших соотечественников, но и всех, кого руководство Третьего рейха определило как неполноценные расы.

УДК 94(47+57)''1941/45''
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-906861-14-6

© Дюков А.Р., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

ТАЙНЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Дюков Александр Решидеевич

ЗА ЧТО СРАЖАЛИСЬ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ

Редактор *Н. В. Мезина*

Художественный редактор *Б. Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 21.03.2016.

Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52.

Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906861-14-6

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
I. Война по-нацистски	10
II. Подготовка геноцида	51
III. «Солдатами их не считать»	76
IV. Решение еврейского вопроса	118
V. «Трудностей с населением не возникало...»	149
VI. Восточные рабы германской империи	184
VII. «Борьба с партизанами»	218
VIII. Выжженная земля	282
IX. Изживая ненависть. Советские люди на землях Рейха	328
Заключение. Направления исследования	345
Приложение. Из документов Чрезвычайной государственной комиссии	358
Примечания	393
Источники и литература	430

И Эрнст рассказал мне. Он рассказал мне все, что узнал от Плоха. Я неподвижно сидела в кресле, а Эрнст тихим ровным голосом рассказывал об ужасах, недоступных человеческому пониманию. О людях, которых убивают как скот — систематически и хладнокровно — только потому, что они не той национальности. Об оврагах, которые используют в качестве могил; о целых местностях, превратившихся в огромные кладбища; о массовых убийствах, когда смерть отдельного человека теряет значение. О бульдозерах, которые снова и снова разравнивают землю, уминая груды разлагающихся тел. Он сказал, что эту работу выполняют не только люди Гимmlера, но также военнослужащие строевых частей. Плох ясно дал понять, сказал он, что это не какое-то чудовищное отклонение от плана. Это и есть план.

Анита Мейсон, «Ангел Рейха»

ВВЕДЕНИЕ

...Мы забыли о чем-то очень важном.

Разбираясь в справедливости оперативных и тактических решений командования вермахта и РККА, подсчитывая соотношение сил, выстраивая схемы управленческих структур, восхищаясь изысканностью многоходовых разведывательных комбинаций — увлекшись всем этим, мы забыли о том, **что** это была за война, стали относиться к ней как к обычной, одной из многих в истории нашей Родины.

Эта потеря — самая важная, самая катастрофическая, сравнимая с ужасом поражений лета и осени сорок первого.

Самая опасная для нас.

Потому что Великая война, завершившаяся семьдесят лет назад, не была обычной войной.

Это была война на уничтожение и порабощение нашего народа.

Германское руководство рассчитывало к осени сорок первого оккупировать европейскую часть Советского Союза и приступить к ее освоению; методы этого освоения с истинно немецкой педантичностью планировались столь же детально, как и военные операции.

И хотя нацистам не удалось выполнить план «блицкрига», они сумели, хоть и частично, претворить в жизнь заблаговременно спланированные мероприятия по *очистке* оккупированной территории. Жестокость оккупационного режима была такова, что, по самым скромным подсчетам, каждый пятый из оказавшихся под оккупацией семидесяти миллионов советских граждан не дожил до Победы¹.

Страшные вещи творились на оккупированной территории.

Смерть для коммунистов, евреев и партизан, систематическое насилие, непосильный труд, хронический голод и отсутствие элементарной медицинской помощи для «лояль-

ных», сотни тысяч умерших в лагерях военнопленных, тысячи деревень, сожженных вместе с жителями. Практически вся оккупированная территория была превращена в гигантский лагерь смерти; когда Красная армия освобождала оккупированные области, они оказывались буквально обезлюдившими.

Об этом трудно говорить, трудно найти подходящие слова воплощенному на нашей земле кошмару. Слово помощнику Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Льву Николаевичу Смирнову:

«На всем протяжении громадного фронта, от Баренцева до Черного моря, во всю глубину проникновения немецко-фашистских орд на землю моей Родины, всюду, где ступила нога немецкого солдата или появился эсэсовец, совершались неслыханные по своей жестокости преступления, жертвами которого становились мирные люди: женщины, дети, старики...

Возвращаясь в родные места, солдаты армии-освободительницы находили много сел, деревень, городов превращенными гитлеровскими полчищами в «зоны пустыни».

У братских могил, где покоились тела советских людей, умерщвленных «типичными немецкими приемами» (я представлю далее Суду доказательства этих приемов и определенной периодичности их), у виселиц, на которых раскачивались тела подростков, у печей гигантских крематориев, где сжигались умерщвленные в лагерях уничтожения, у трупов женщин и девушек, ставших жертвами садистских наклонностей фашистских бандитов, у мертвых тел детей, разорванных пополам, постигали советские люди цепь злодеяний...»².

Но, может, советский обвинитель преувеличивает масштаб постигшей его народ трагедии? Послушаем американского представителя обвинения Тэйлора:

«Зверства, совершенные вооруженными силами и другими организациями «Третьего рейха» на Востоке,

были такими потрясающе чудовищными, что человеческий разум с трудом может их постичь. Почему все эти вещи случились? Я думаю, анализ покажет, что это были не просто сумасшествие и жажда крови. Наоборот, налицо имелись метод и цель. Эти зверства имели место в результате тщательного рассчитанных приказов и директив, изданных до или во время нападения на Советский Союз и представляющих собой последовательную логическую систему»³.

Есть вещи, о которых нельзя забывать; сегодня, к сожалению, слишком часто находятся люди, умалчивающие о преступлениях фашистов, о том, что ждало нашу страну и всех нас в случае, если бы враг победил.

Книги и статьи, оправдывающие оккупантов и очерняющие сопротивлявшихся им людей, появляются все чаще и чаще; общеупотребительными стали рассказы о том, что оккупационный фашистский режим был с радостью встречен населением, что при оккупации жилось лучше, чем при советской власти, что сотрудничество с нацистами было предпочтительнее поддержки Сталина.

Более того, сам факт проведения нацистами истребительной политики против народов СССР уже ставится под сомнение!⁴

Как горькое, но целительное лекарство, нам, сегодняшним, необходима правда о геноциде, организованном нацистами на оккупированной территории СССР.

Нам — тем, кто не видел ту войну, не помнит ее, но хочет и будет жить на родной земле, как жили, работали и умирали на ней бесчисленные поколения наших предков.

I. ВОЙНА ПО-НАЦИСТСКИ

В ночь на 22 июня 1941 года на западных границах Советского Союза замерли подготовившиеся к вторжению германские войска. Офицеры и генералы вермахта на наблюдательных пунктах смотрели на восток, угадывая в ночной тьме рощицы, поля, далекие города и села — все дальше, дальше и дальше... «Пространства казались бесконечными, и линия горизонта вырисовывалась неясно, — вспоминал один из немецких генералов. — Нас угнетала монотонность ландшафта, бесконечность пространств, занятых лесами, болотами, равнинами»⁵.

До вторжения оставались считанные часы; вскоре ночную тишину должны были разорвать гул бомбардировщиков и артиллерийская канонада. Вскоре пехота и танки, форсировав приграничные реки, устремятся в глубь советской территории, опрокидывая заслоны войск прикрытия, разрывая линии обороны русских танковыми клиньями, окружая и захватывая в плен сотни тысяч вражеских солдат.

22 июня — удачный для империи день: ровно год назад был смыт позор поражения в Великой войне. Тогда в Компьене французы подписали капитуляцию — не избежать поражения и русским. Сомнений быть не могло: вермахт в короткие сроки справился с польскими и французскими войсками, оккупировал Данию и Норвегию, поверг Грецию и Югославию. Советский Союз должен дополнить этот список германских побед; конечно, размеры раскинувшейся к востоку страны впечатляют, но и только. «Фюрер считает, что акция продлится примерно четыре месяца, я считаю, что меньше. Большевизм рухнет как карточный домик. Мы стоим перед беспрецедентным победоносным походом. Нам надо действовать», — записал в дневнике министр пропаганды Рейха Йозеф Геббельс⁶.

56-й танковый корпус 4-й танковой группы замер в лесах под Мемелем. В ночь перед наступлением командующий кор-

пусом генерал Эрих фон Манштейн думал не о предстоящей победе. За спиной генерала расстились просторы Восточной Пруссии; там, в нескольких десятках километров от советско-германской границы, в славившемся по всей стране своим конным заводом поместье Ленкен, фон Манштейн прожил несколько последних предвоенных дней.

«Когда мы туда прибыли, то увидели выгон, на котором паслись чистокровные лошади, — записывал он в дневнике. — Это был уголок, полный красоты и гармонии. Его вид показался нам хорошим предзнаменованием. Как прекрасен был этот далекий уголок нашей родины, наше последнее пристанище на немецкой земле! Когда мы проезжали мимо типичного для Восточной Пруссии низкого простого господского дома, то увидели прелестную молодую девушку, которая усердно убирала веранду. Пестрый платок обрамлял красивое, свежее лицо. „О!.. — воскликнул один из моих спутников, — все здесь так мило!“ Он спросил молодую девушку о хозяйке дома. На лице его появилось недоумение, когда ему с улыбкой приветливо ответили: „Я. Добро пожаловать!“ Общий веселый смех. Молодая хозяйка именина недавно родила сына, и я стал его крестным отцом»⁷.

Вспоминая о Ленкене, Эрих фон Манштейн думал обо всей прекрасной германской земле. Долг перед родиной требовал покинуть ее: генералу и его солдатам предстояло уйти воевать в дикие восточные земли, населенные низшими расами и многочисленными ордами недочеловеков. Только так можно было защитить германскую нацию и весь фатерланд.

Генерал фон Манштейн вспоминал о своей прекрасной родине. В это время в дивизиях его 56-го танкового корпуса офицерам зачитывался приказ командования об обязательном истреблении всех политрабтников, евреев и советской интеллигенции⁸.

Несколькими сотнями километров к югу рядовой саперного полка Отто Тышлер всматривался в берега Буга. В нужный час притаившиеся в прибрежных рощицах пехотинцы

быстрым рывком форсируют реку и захватят плацдарм на том берегу. После этого в дело вступят саперы; они наведут pontонные мосты, по которым вперед пройдут машины второй танковой группы генерала Гудериана. Военное искусство первого танкиста Германии уже вошло в легенды; русские не смогут оказать сопротивления несокрушимым танковым войскам Рейха. Тем более — Отто Тышлер знал это точно — никто с этими большевиками церемониться не будет.

Об этом солдатам рассказали несколько часов назад. Перед построенной шеренгой саперного полка командиры зачитали приказ фюрера и верховного командования вермахта:

«Военное судопроизводство вермахта служит в первую очередь сохранению дисциплины.

Широкая протяженность зоны боевых операций на Востоке, форма ведения боевых действий и особенности противника ставят перед военными судами задачи, которые во время военных действий вплоть до закрепления на оккупированных областях могут быть решены при их малочисленном личном составе только в том случае, если судопроизводство ограничится главной задачей.

Это, однако, будет возможно только в том случае, если войска сами беспощадно будут себя ограждать от всякого рода угроз со стороны гражданского населения.

Соответственно этому для района «Барбаросса» (район военных действий, тыл армий и район политического управления) устанавливаются следующие правила...»⁹.

Солдаты знали: в это же самое время эти же слова произносятся на всем протяжении Восточного фронта. Приказ фюрера читают в соседних пехотных дивизиях, в изготовившихся к удару танковых частях генералов Гёппнера, Гота, Гудериана, Клейста, в воздушных армиях, развернутых на временных аэродромах у границ Рейха.

«Первое. За действия против вражеских гражданских лиц, совершенных военнослужащими вермахта и вольнонаемными, не будет обязательного преследова-

ния, даже если деяние является военным преступлением или проступком.

Второе. При рассмотрении таких действий следует принять во внимание, что поражение 1918 г., последующий период страданий немецкого народа и борьба против национал-социализма с бесчисленными кровавыми жертвами движения в значительной степени объясняется большевистским влиянием, и ни один немец не забыл этого.

Третье. Судья решает, следует ли в таких случаях наложить дисциплинарное взыскание, или необходимо судебное разбирательство. Судья предписывает преследование деяний против местных жителей в военно-судебном порядке лишь тогда, когда речь идет о несоблюдении воинской дисциплины или возникновении угрозы безопасности войск. Это относится, например, к тяжким проступкам на почве сексуальной распущенности, предрасположенности к преступлению или к признакам, свидетельствующим об одичании войск. Строгому осуждению подлежат уголовные действия, в результате которых были бессмысленно уничтожены места расположения, а также запасы или другие военные трофеи в ущерб своим войскам...»¹⁰.

Гауптман аккуратно свернул листок бумаги.

Посмотрев на смутно различимый в сумерках строй, он продолжил:

— Этот приказ означает следующее. Если вы, парни, пристрелите какого-нибудь большевика, то не попадете в руки военного трибунала. Слишком много чести — судить немецкого солдата за убийство какой-то свиньи. Чем их меньше останется, тем лучше для нас. Наш командующий — генерал Гудериан — это понимает. Поэтому он издал приказ: «Неоправданная гуманность по отношению к коммунистам и евреям неуместна. Их следует беспощадно расстреливать». С ранеными русскими нечего возится — их надо просто приканчивать на месте¹¹.

Рядовой Отто Тышлер вспоминал эти слова, глядя в восточный берег Буга. На всем огромном фронте от Балтийского до Черного морей миллионы таких же немецких солдат смотрели на восток.

Там, за пограничными столбами расстилалась богатая, щедрая, плодородная земля. По прихоти истории эту прекрасную землю населяли тупые и грязные русские, перемешавшиеся с бесчисленными азиатскими дикарями, утратившие чувство крови и чести. Этими вырожденками-славянами командовала засевавшая в их далекой и дикой Москве жидо-большевистская нелюдь: крючковатые носы, гнилые желтые зубы, алчность и жестокость, жажда крови и грабежа.

Каждый из замерших в ожидании солдат вермахта знал: германской нации нужна эта земля, — но не населяющие ее недочеловеки.

Славянско-азиатские орды должны исчезнуть, уступить место германской расе, германской культуре, германской чести.

Разве это будет не справедливо?

* * *

Барановичи горели. Танкисты Гудериана вошли в город уже на четвертый день войны; улицы заполнились солдатами в чужеземной форме, лязгом танков с кургузыми крестами на башнях и отрывистой непонятной речью. Передовые части спешили к Минску: там, у белорусской столицы, они встретились с танкистами Гота, замыкая первый в этой войне «котел». Танкисты прошли через Барановичи, и город замер в недобром предчувствии: следом шла немецкая пехота.

Один из солдат вермахта так вспоминал о настроениях первых дней войны: «Все мы в те дни ощущали себя составными частями грандиозной военной машины, которая безостановочно катилась на восток, на большевиков»¹².

«Там не шла речь о пощаде, — рассказывал другой. — Для нас это были коммунисты. Мы тогда говорили «большевистские орды»... Русские — только для уничтожения. Не только победить их, но уничтожить»¹³.

Пехотинцы рассыпались по Барановчам как саранча. Они врываются в дома — поживиться трофеями. Там, где двери были открыты, они убивали за косою взгляд; там, где дома были заперты изнутри, они убивали всех¹⁴.

Первых попавшихся в руки немцев советских военнопленных ждала злая судьба. На Пионерской улице солдаты вермахта привязали к столбам четырех захваченных в плен красноармейцев, подложили им под ноги сено, облили горячим и заживо сожгли¹⁵.

Подразделения 29-й моторизированной пехотной дивизии второй танковой группы генерала Гудериана прокатились по Барановичам и в тот же день ушли дальше; вечером на привале рядовой Эмиль Гольц записывал в дневнике:

«28 июня. На рассвете мы проехали Барановичи. Город разгромлен. Но еще не все сделано. По дороге от Мира до Столбцов мы разговаривали с населением языком пулеметов. Крики, стоны, кровь и много трупов. Никакого сострадания мы не ощущали. В каждом местечке, в каждой деревне при виде людей у меня чешутся руки. Хочется пострелять из пистолета по толпе. Надеюсь, что скоро сюда придут отряды СС и сделают то, что не успели сделать мы»¹⁶.

А через Барановичи к Минску шли все новые части германского вермахта.

Остановившись на отдых в одной из деревушек возле Борисова, немцы с интересом рассматривали населявших ее унтерменшей. Интерес был не столько этнографическим, сколько практическим: фронт ушел на восток и завоевателям хотелось развлекаться. Солдаты ловили не догадавшихся спрятаться женщин и уводили в лес — для себя и для господ офицеров. По приказу лейтенанта Гуммера солдаты утащили в лес шестнадцатилетнюю Любу Мельчукову; после того как офицер удовлетворил свое желание, он отдал девушку солдатам. Спустя некоторое время на поляну притащили новых женщин; перед ними предстало страшное зрелище. К стоявшим кучно деревьям были прислонены бог весть откуда добытые доски. На них висела обнаженная истерзанная девушка; прибитая к доскам штыками, она умирала. На глазах у испуганных женщин солдаты отрезали ей груди.

Над лесом стоял жуткий, неумолчный крик убиваемой девушки.

Всего в этой небольшой деревеньке немцы убили тридцать шесть женщин.

Изнасилованных было больше¹⁷.

* * *

Пока танкисты Гудериана и Гота рвались на Минск, пехотные части 9-й армии генерала Адольфа Штрауса и 4-й армии фельдмаршала Гюнтера фон Клюге сомкнули кольцо вокруг Белостока. Это была классическая операция на окружение, какие в пору изучать в военных академиях. Войска русских, попавшие в кольцо, пытались пробиться на восток; но там, под Минском, уже смыкались клинья немецких танковых групп.

А в брошенный Белосток меж тем вступали оккупанты.

309-й полицейский батальон, вошедший в город вслед за частями вермахта, сразу занялся его умиротворением. Для начала солдаты батальона разграбили попавшиеся им на пути винные магазины; особенно в этом отличилась 2-я рота, одним из взводов которой командовал Пипо Шнейдер. Когда магазин со спиртным были опустошены, от командира батальона майора Эрнста Вайса поступил приказ собрать проживавших в городе евреев.

Взвод Шнейдера отправился на поиски; развлечения ради командир взвода застрелил пятерых схваченных евреев. Его подчиненные постарались не отставать. «То, что началось погромом, закончилось повальными расстрелами евреев Белостока. В городском парке евреев расстреливали группами. Стрельба на улицах города не утихала до поздней ночи. Оставшихся в живых загоняли прикладами карабинов в центральную синагогу Белостока до тех пор, пока она не оказалась, наконец, битком набита беззащитными горожанами. Запуганные евреи стали петь и молиться... В синагоге находилось более 700 мужчин-евреев. С помощью бензина здание синагоги мгновенно запылало как факел, со всех сторон, а в окна полетели гранаты»¹⁸. Выбегавших расстреливали.

Офицеры находившихся в городе частей вермахта с привычки были возмущены случившейся бойней и, в надежде ее остановить, принялись искать командира полицейского батальона. Майора Вайса нашли лишь к утру; как и большинство его подчиненных, он был мертвецки пьян.

* * *

Прибалтийские республики на севере были потеряны русскими практически сразу; на третий день войны генерал Гальдер довольно писал в дневнике: «Середина дня. Наши войска заняли Вильнюс, Каунас и Кейданы. Историческая справка: Наполеон занял Вильнюс и Каунас тоже 24 июня»¹⁹.

56-й танковый корпус генерала фон Манштейна, сломав сопротивление приграничных частей Красной армии, за четыре дня прошел 300 километров и захватил стратегически важные мосты через Западную Двину. Захватив Даугавпилс, фон Манштейн остановился, дожидаясь, пока с севера его подпрет 41-й танковый корпус генерала Георга Рейнгардта.

...Полторы недели назад, 16 июня в штабе под Истенбургом командующий 4-й танковой группой генерал Эрих Гёппнер отдавал последние указания. Синие стрелки наступающих танковых частей на карте рвались Западной Двине; от того, удастся ли захватить мосты через реку, зависело многое.

— Я надеюсь, что это послужит вам стимулом для дружеского соревнования, — улыбался Гёппнер командирам своих танковых корпусов.

Фон Манштейн рассчитывал выиграть: по данным разведки, в полосе наступления его подразделений было гораздо меньше русских частей, чем в полосе 41-го корпуса. Генерал Рейнгардт, впрочем, тоже не оставлял надежд на успех: он вытребовал у командования две танковых дивизии вместо одной, и не сомневался, что русские не смогут противостоять его удару. Обмениваясь дружескими замечаниями, оба генерала знали, что от успеха их действий зависит нечто гораздо большее, чем исход шуточного поединка.

От их победы зависит существование германской нации.

В приказе генерала Гёппнера, который зачитают в ночь перед наступлением, об этом говорится ясно: